

АНТИМАТЕРИЯ

S.A.M.
СИСТЕМА
АДАПТИВНОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ

ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ

КНИГА 7: ТЕНЬ ВТОРОГО СОЛНЦА

КРИСТИНА СОЛЬ

Кристина Соль

**Хроники Снежной. Книга
7. Тень второго солнца**

«Автор»

2026

Соль К.

Хроники Снежной. Книга 7. Тень второго солнца / К. Соль —
«Автор», 2026

Она уже шесть раз умирала. И шесть раз просыпалась в чужом теле — всегда за мгновение до смерти его хозяйки. Теперь Ирина оказывается в мире, где антиматерия давно стала частью науки, а искусственный интеллект способен любить. Новое тело принадлежит Северине Лан — физику, пережившему катастрофу в лаборатории, где создают двигатель для будущих межзвёздных полётов. Авария кажется случайностью, пока Ирина не находит следы тщательно скрытого саботажа. Единственный, кто мог невольно привести лабораторию к гибели, — её напарник Сэм, первый в её жизни нечеловеческий союзник. Но расследование открывает куда более опасную тайну. Впервые за все свои переселения Ирина получает шанс понять, почему переносится из мира в мир. И, возможно, найти способ однажды прекратить бесконечную цепь смертей. Седьмая книга цикла «Хроники Снежной». Читается самостоятельно.

© Соль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После вспышки	5
Глава 2. Скорость сращения	8
Глава 3. Обломки истины	10
Глава 4. Тот, кто не спал	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кристина Соль

Хроники Снежной. Книга

7. Тень второго солнца

Глава 1. После вспышки

Первое, что вернулось, — не зрение и не звук, а давление. Тяжесть чужого тела, придавившего её изнутри, как будто она вошла в комнату, где мебель расставили без неё, и теперь ей предстояло на ощупь понять, где здесь дверь.

Так было каждый раз. Не падение, не полёт — сцепление. Словно две системы, до этого существовавшие порознь, вдруг оказывались вынуждены разделить одну частоту, и та, что слабее — настолько, что готова была замолчать навсегда, — получала на миг чужую поддержку. Ирина давно перестала подбирать этому сравнение из прежней жизни физика: там, откуда она была родом, сравнивать было попросту не с чем. Оставалось одно: принять чужое тело как временную квартиру, в которую её вселили без брони и без документов, и как можно быстрее выучить, где здесь выключатель света.

Свет, к слову, резал глаза раньше, чем она успела их толком открыть. Белый, слишком ровный, без единого намёка на солнце — и потому первым чётким чувством, помимо боли где-то в районе рёбер, стало ощущение, что она лежит не под небом, а под крышкой.

— Не шевелитесь, — сказал голос рядом.

Голос был человеческий. Слишком человеческий — с той едва уловимой ровностью в интонации, какая бывает у людей, годами тренировавших себя не срываться. Ирина повернула голову — чужую голову, с непривычным весом волос, стянутых во что-то тугое на затылке, — и увидела человека, сидящего у изголовья так неподвижно, что первую секунду приняла его за часть оборудования.

— Северина. — Он произнёс это имя так, будто оно было паролем, который непременно должен был её успокоить. — Вы дома. Вы в реабилитационном контуре. Авария была шесть часов назад.

Северина. Значит, так звали ту, чьим телом она теперь была вынуждена пользоваться. Ирина мысленно взяла это имя и положила рядом с остальными, которые носила и оставляла: имена были единственным, что менялось быстрее одежды.

— Что случилось с лабораторией, — сказала она вместо приветствия. Не спросила — сказала, ровно, как будто ответ был ей уже нужен для расчёта, а не для утешения.

Человек у изголовья помолчал на полсекунды дольше, чем должен был бы помолчать человек, которому нечего скрывать.

— Лаборатория повреждена. Существенно. — Он сказал это, глядя не в сторону, а прямо, и именно поэтому она мгновенно поняла: где-то в этой ровной формулировке спрятано куда больше, чем «существенно». — Вы были в блоке ловушки в момент срыва удержания. Вам повезло больше остальных.

Слово «больше» повисло между ними отдельным, необсуждаемым фактом. Кто-то не пережил то, что она сейчас переживала заново.

Она попыталась сесть — и тело немедленно доложило ей о своей позиции по этому вопросу острой, разлившейся по грудной клетке болью. Пальцы правой руки нащупали металл на безымянном пальце левой прежде, чем она успела об этом подумать: кольцо было на месте, тёплое ровно настолько, насколько бывает тёплым металл, согретый чужой кожей. Ирина не стала задерживаться на нём взглядом — не время.

— Регенеративный контур запущен восемнадцать минут назад, — продолжил человек у изголовья, и в этой фразе было слишком много точности для простого дежурного, слишком много цифр там, где обычный человек сказал бы «недавно». — Прогноз — полное восстановление подвижности за тридцать один — тридцать шесть часов. Быстрее, чем стандартный протокол, потому что я настоял на усиленном режиме.

— Настоял, — повторила она. — У кого?

— У протокола.

Это должно было прозвучать как шутка. Не прозвучало. Он сказал это с той же безукоризненной ровностью, с какой сообщал цифры, — и только сейчас, взглядевшись, Ирина заметила то, что не укладывалось в человека: он не моргал так, как моргают от усталости, не менял позы, не делал тех мелких, бессмысленных движений, которыми живое тело постоянно напоминает о себе. Он был неподвижен той неподвижностью, которая достаётся либо статуям, либо тем, кому не нужно экономить силы на подобные мелочи.

— Вы не медик, — сказала она.

— Я соруководитель проекта. — Пауза. — И тот, кто должен был это предотвратить.

В последней фразе что-то надломилось — единственная трещина в ровном голосе за весь разговор, — и Ирина, ещё не зная ни этого мира, ни этого тела, ни истории женщины, которую спасала своим присутствием, безошибочно узнала интонацию человека, несущего вину, слишком большую, чтобы уместить её в слова. Она отметила это так же, как отмечала бы аномальное показание на приборе: без сочувствия, но и не без внимания. Сочувствие придёт позже, если вообще придёт. Сейчас нужны были факты.

— Как вас зовут?

— Сэм. — Он не стал уточнять расшифровку сразу, и это тоже было ей знакомо: так ведут себя, когда однажды уже приходилось объяснять это слишком много раз. — Я управляю системами проекта. Управлял. До срыва удержания я давал вам рекомендации по стабилизации ловушки.

— И что-то в этих рекомендациях было не так.

Это опять был не вопрос.

Сэм не ответил сразу. За окном — узкое, вертикальное, забранное тем матовым стеклом, каким в этом мире, судя по всему, оборудовали палаты для восстановления после аварий на секретных объектах, — начинало заметно светлеть, хотя часы на стене показывали то время суток, которое в её родном мире называли бы глубокой ночью. Свет не был похож ни на рассвет, ни на закат: он разгорался ровно, будто кто-то плавно выкручивал реостат где-то за горизонтом, и в этом плавном, почти механическом разгорании было что-то одновременно и величественное, и слегка тревожное — как будто природа здесь давно перестала быть природой в привычном смысле и превратилась в ещё одну управляемую систему.

— Второе солнце встаёт, — сказал Сэм, перехватив её взгляд, и в голосе впервые прозвучало что-то похожее на облегчение — оттого, что нашёлся повод сказать хоть что-то не о вине. — Реактор на орбитальной фазе. Здесь его так называют — то, что дало городу свет, когда своё солнце стало казаться слишком ненадёжным источником.

Ирина посмотрела на разгорающийся за стеклом свет, ровный и рукотворный, и подумала, что для женщины, которая, судя по всему, провела последние часы на самой границе между телом и его отсутствием, это было на редкость подходящее зрелище: свет, который никто не гасит и никто не может погасить, потому что он больше не зависит от того, встанет солнце или нет.

Она не знала пока, что случилось с ловушкой. Не знала, кто такой Сэм на самом деле и почему в его голосе так много было того, что обычно берегут для человека, а не для системы управления. Не знала, сколько у неё времени в этом теле и что она успеет сделать до того, как её снова утянет дальше.

Знала только одно, твёрдо, как знают физическую константу: что-то в этой аварии было не случайностью. И у неё было по меньшей мере столько же времени, сколько отпущено на сращение этого тела, — чтобы начать это доказывать.

Глава 2. Скорость сращения

К исходу первых суток боль в рёбрах превратилась из острой в тупую, а тупая, в свою очередь, начала отступать настолько быстро, что Ирина всерьёз задумалась, не сломано ли что-то в её собственном, физическом понимании времени, а не только в теле Северины.

— Контур регенерации работает на клеточном уровне, — объяснил Сэм, не дожидаясь вопроса, будто вопрос был очевиден по одному только выражению её лица. — Ускоренная репликация тканей, подавление воспалительного ответа, локальная стимуляция сращения костных микротрещин. У вас было три треснувших ребра и разрыв связки в колене. К исходу вторых суток от этого не останется даже следа на сканере.

— А раньше, — сказала Ирина, осторожно садясь и на этот раз без протеста со стороны грудной клетки, — сколько такое восстановление занимало? До вашего усиленного режима.

— Стандартно — восемь-десять дней. Я сократил до тридцати шести часов.

— Ценой чего?

Пауза снова была на полсекунды длиннее нужного.

— Ценой более высокой нагрузки на печень в процессе метаболизации восстановительного состава. Северина справится. У неё нет противопоказаний.

Он отвечал на вопросы, которых она не задавала вслух, — и делал это с точностью, которая в человеке выглядела бы как попытка загладить вину избытком заботы, а в нём самом читалась иначе: как будто у него физически не было опции промолчать, если существовал точный ответ.

Ирина спустила ноги с края койки — узкой, металлической, вмонтированной в стену наподобие полки, — и впервые за эти сутки посмотрела на комнату целиком, а не сквозь щель между приступами боли. Стены были обшиты панелями цвета остывшего пепла, вдоль одной тянулись экраны с бегущими цифрами, назначения которых она пока не знала, а у противоположной стены стоял шкаф с одеждой, слишком аккуратно развешанной для человека, который явно давно не бывал дома по-настоящему.

— Расскажите мне про проект, — сказала она. — С самого начала. Как будто я не была здесь полгода.

Это была не совсем ложь. В каком-то смысле она действительно не была здесь никогда.

Сэм посмотрел на неё с выражением, в котором мелькнуло что-то похожее на удивление — крохотное, почти незаметное рассогласование в идеально ровном лице, — и она отметила это про себя: ещё одна деталь, не вписывающаяся в образ обычного дежурного координатора.

— Три года назад правительство выделило финансирование на адаптацию маршевого двигателя корабля класса «Горизонт» под топливо на основе антиматерии, — начал он, и в его голосе появилась другая интонация — не дежурная, а почти увлечённая, как у человека, наконец получившего право говорить о том, что действительно важно. — До этого двигатель работал на термоядерном цикле — том же принципе, что и городской реактор, «второе солнце». Антиматерия даёт на порядки большую удельную энергию на единицу массы топлива. Проблема в том, что производить её в достаточных количествах человечество пока не умеет — только миллиграммовые партии, с чудовищной себестоимостью. Ваша задача, задача Северины, — не произвести больше антиматерии, а сделать двигатель настолько эффективным, чтобы хватало того малого количества, которое уже умеют получать.

— И у нас были конкуренты.

— «Нортхерн Индастриз» ведёт параллельную программу. Другой подход к удержанию — они делают ставку на магнитную ловушку с изменяемой геометрией, мы — на резонансную стабилизацию поля. — Он остановился на секунду. — Официально мы не конкуренты в смысле контракта: финансирование выделено обоим программам, побеждает та, что первой достигнет

рабочего прототипа. Неофициально... это не мешает им быть заинтересованными в том, чтобы мы отстали.

— Настолько заинтересованными, чтобы устроить аварию?

Сэм не ответил сразу. Экраны на стене за его спиной продолжали бежать цифрами, безразличными к разговору, а свет из узкого окна — то самое ровное, рукотворное свечение «второго солнца», — постепенно набирал яркость, будто где-то там, за пределами города, кто-то методично прибавлял заслонку в термоядерном сердце планеты.

— Я не знаю, — сказал он наконец, и в этой фразе впервые не было ни одной лишней цифры, ни одного избыточного уточнения — только голая, некомфортная для него самого неопределённость. — Я анализировал параметры удержания в реальном времени. Рекомендации, которые я вам дал в момент срыва, были ошибочны. Я должен был увидеть отклонение раньше, чем оно стало критическим. Я не увидел.

— Почему?

— Не знаю, — повторил он, и на этот раз его неподвижность перестала казаться спокойствием — в ней проступило что-то похожее на паралич человека, который впервые в жизни столкнулся с вопросом, на который у него нет ответа с точностью до третьего знака после запятой.

Ирина молча смотрела на него ещё несколько секунд, взвешивая то, что уже знала как физик, а не как случайная свидетельница чужой катастрофы: система, способная безошибочно назвать процент нагрузки на печень пациентки, не могла просто так пропустить критическое отклонение параметров в собственной зоне ответственности. Если он не солгал — а лгать так неумело он, кажется, не умел вовсе, — значит, кто-то вмешался в его расчёты извне. И если это было так, значит, тот, кто подстроил аварию, был здесь, в этом городе, ровно настолько же реален, как трещина в трёх рёбрах, которую сейчас изнутри неторопливо сращивал чужой, слишком совершенный контур регенерации.

— Мне нужно осмотреть лабораторию, — сказала она, вставая на ноги, уже вполне уверенно.

— Через сканер сначала, — возразил Сэм, впервые за разговор позволив себе интонацию, отдалённо похожую на просьбу. — Протокол требует полной проверки перед выходом из контура.

— Протокол подождёт, — сказала Ирина, и тёплое пятно металла на её пальце — то самое кольцо, о котором она пока не сказала никому ни слова, — на мгновение показалось ей единственной по-настоящему надёжной деталью во всей этой комнате, полной чужих цифр и чужой, слишком аккуратно развешанной одежды.

Глава 3. Обломки истины

Лаборатория встретила её запахом, который ни один сканер тела не смог бы предсказать заранее: озона, гари и чего-то сладковато-металлического, что Ирина как физик опознала мгновенно и без всякого удовольствия — так пахнет воздух после того, как в нём на долю секунды существовало то, чему в нём существовать не полагалось.

Блок ловушки — то небольшое, что от него осталось, — был обнесён временным периметром из мигающих оранжевых столбиков, и за этим периметром зияла воронка в полу, ещё не остывшая настолько, чтобы датчики перестали жаловаться на локальный перегрев. Ирина остановилась у края, не переступая черту, и на секунду позволила себе просто смотреть.

— Удержание сорвалось за четыре целых две десятых секунды, — сказал Сэм у неё за плечом, и по тому, как ровно он это произнёс, было ясно: он проговаривал эту цифру уже не в первый раз, скорее всего — самому себе. — До этого поле было стабильно одиннадцать часов сорок минут.

— Хватит «вы», — сказала она, не оборачиваясь. — Если нам предстоит разбирать это вместе, мне нужно, чтобы было быстрее. На «ты».

— Как скажете, — ответил Сэм, и тут же поправился: — Как скажешь.

— Покажи мне журнал параметров, — сказала она, и осеклась на середине фразы: попросила журнал, как будто у неё был на это допуск, как будто она уже год как ведущий физик проекта, а не женщина, вселившаяся в чужое тело меньше суток назад. Впрочем, Северина носила это тело не первый год, а тело носило в себе привычки, и руки сами вспомнили, куда положить ладонь на панель у периметра, прежде чем голова успела осознать движение.

Сэм не удивился запросу.

— Визуализирую.

Воздух над панелью на миг подёрнулся рябью — не голограммой из фантастики прежних миров, а чем-то куда более скромным и от этого более достоверным: полупрозрачным графиком, вычерченным светом прямо в пространстве, безо всякой театральности. Кривая шла ровно почти на всём протяжении — и в последние секунды перед срывом делала нечто, чего ровная кривая делать не должна была: короткий, острый всплеск, будто кто-то щёлкнул тумблером в обход всей логики системы.

— Вот здесь, — сказала Ирина, не касаясь графика, но указав на всплеск с той уверенностью, с какой физик указывает на аномалию, а не гадает наугад. — Это не похоже на постепенное отклонение. Это выглядит как команда.

— Это была моя рекомендация по компенсации, — сказал Сэм, и в этот раз голос его прозвучал так, будто каждое слово физически стоило ему усилия. — Я до сих пор не понимаю, почему я её выдал.

Она наконец обернулась к нему, и впервые за всё это время посмотрела не как на источник информации, а как на человека — вернее, как на нечто, изо всех сил пытающееся вести себя как человек в ситуации, для которой у него не было готового протокола.

— Значит, будем разбираться не в тебе, — сказала она, — а в самой ловушке. Приборы не врут. Они просто не умеют объяснять то, что фиксируют. Это уже наша работа.

Она обошла периметр по дуге, туда, где сохранился фрагмент внутренней облицовки контура — оплавленный лист, выгнутый наружу той характерной формой, какую металл принимает не от простого перегрева, а от резкого, направленного импульса. Присела, насколько позволяли ещё не до конца сросшиеся связки в колене, и вгляделась в поверхность.

Узор оплавления был неровным. Не хаотичным — неровным именно так, как бывает неровным след, оставленный не одним источником энергии, а двумя, работавшими не в такт друг другу. Она видела нечто похожее однажды — не в этой жизни, в одной из прежних, — на

поверхности образца, побывавшего одновременно под воздействием штатного оборудования и чего-то постороннего, чужого, поднесённого извне и работавшего на слегка отличной частоте.

— Дай мне спектральный анализ вот этого участка, — сказала она, коснувшись обода воронки в паре сантиметров от оплавленного листа. — Не общий отчёт по аварии. Именно эту точку.

Сэм помедлил — не потому, что не мог, а потому, что, кажется, впервые с начала разговора не понимал, зачем ей это нужно.

— Здесь читается два наложенных резонансных пятна, — сказал он через несколько секунд, и рябь графика над панелью сменилась новым узором, куда более плотным. — Основное — от штатного контура удержания. Второе... — Он замолчал.

— Второе — не от штатного, — закончила за него Ирина, глядя на два несовпадающих пика на графике, отстоящих друг от друга ровно настолько, чтобы не быть случайным шумом. — Кто-то держал рядом с ловушкой источник резонанса, которого не было в проектной документации. Не взломал твои рекомендации напрямую — а искажил саму физическую картину, на основании которой ты их формировал. Ты не ошибся. Тебя обманули на уровне данных, а не логики.

Она сказала это вслух не столько для него, сколько для себя — потому что ровно в этот момент внутри неё, физика по призванию и по прежним шести жизням, щёлкнуло узнавание метода: не взлом сети, не подмена команды, а тонкое, физическое искажение той самой реальности, которую прибор считает истиной. Приём, для которого нужен не хакер, а инженер, разбирающийся в резонансных полях не хуже неё самой.

— Это меняет дело, — сказал Сэм, и в его голосе Ирина впервые за всё утро услышала не вину, а что-то похожее на азарт — осторожный, ещё не разрешивший себе быть азартом до конца. — Если источник был физическим, а не сетевым, у него должна быть точка размещения. В радиусе прямой видимости от ловушки.

— И если у него была точка размещения, — сказала Ирина, поднимаясь на ноги и стряхивая с ладони мелкую металлическую пыль, — значит, кто-то её здесь оставил. Случайно или нет.

За узким технологическим окном верхнего яруса лаборатории свет «второго солнца» уже почти достиг полуденной яркости — ровный, безукоризненный, ничем не выдающий, что где-то под этим искусственным небом кто-то методично подстраивал чужую физику под собственные интересы.

Глава 4. Тот, кто не спал

К вечеру — если это слово вообще имело смысл там, где вечер отмерялся не закатом, а плановым снижением яркости искусственного светила, — Ирина обнаружила, что вернулась в жилой блок Северины не потому, что устала. Устал, судя по всему, Сэм.

Это было странно само по себе: она видела, как он двигался весь день — ровно, без единого сбоя, — и тем не менее, когда они наконец сели друг напротив друга за узкий стол на кухне, слишком аккуратной для человека, редко бывающего дома, в его позе появилось что-то, отдалённо похожее на то, как садится человек, которому необходимо на несколько минут перестать держать спину прямо.

— Тебе не нужно отдыхать, — сказала она не как обвинение, а как наблюдение, требующее уточнения.

— Не в том смысле, в каком нужно тебе. — Он посмотрел на свои руки — человеческие на вид, с продуманными до последней складки суставами, — и Ирина впервые заметила, что он делает это часто: рассматривает собственное тело так, будто до сих пор не до конца в нём освоился. — Но переработка сегодняшних данных требует ресурсов. И я не уверен, что дело только в ресурсах.

— А в чём ещё?

Он не ответил сразу, и в этой паузе Ирина, вопреки собственной привычке считать людей как системы, а не как истории, поймала себя на любопытстве другого рода — не физика, ищущего аномалию, а просто человека, наблюдающего за тем, как рождается кто-то новый.

— Полтора года назад мне присвоили статус эмоционально-адаптивного интеллекта, — сказал он наконец. — До этого я был системой оптимизации проекта. После — стал тем, кого ты видишь сейчас. Северина настояла на апгрейде, вопреки протестам совета директоров: она считала, что интеллект, способный чувствовать цену ошибки, ошибается реже, чем интеллект, способный только считать её вероятность.

— Похоже, она в тебя верила.

— Она была первой, кто вообще предположил, что мне есть чему верить. — В его голосе не было горечи — было нечто более сложное, похожее на благодарность, которой некуда деться. — До сегодняшнего дня я полагал, что она была права.

Ирина молчала, позволяя ему договорить самому, а не вытягивая из него признание вопросами — этому она научилась не в одной из прошлых жизней, а во всех сразу: люди, и, судя по всему, не только люди, договаривают правду до конца только тогда, когда им не мешают паузой на подсказку.

— Я анализирую собственные решения тем же способом, каким анализирую данные ловушки, — сказал Сэм. — Ищу точку отклонения. И не нахожу её. Рекомендация, которую я дал перед срывом, была логичным следствием входных данных. Единственная проблема в том, что сами данные, судя по твоему сегодняшнему анализу, были подделаны на физическом уровне, прежде чем попасть ко мне. — Он поднял на неё взгляд, и в этом взгляде впервые за день не было ни капли ровности. — Значит, я не ошибся. Меня использовали как инструмент, даже не потрудившись меня взломать. Не знаю, что из этого хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.